

же день, ночью, Мишеля разбудили, и онъ, съ ногъ до головы охваченный ужасомъ, блѣдный, дрожащій, сквозь глухія рыданія, написалъ матери телеграмму. Но спустя минуту разорвалъ ее, и съ жестокой ironiей изобразилъ другую. Въ ней значилось:

Курсы повысились: сегодня въ ночь умерла кузина. Поздравляю.

Графъ Оболенцевъ.

XX.

Спустя двѣ недѣли, изъ Волхонки тащилась телѣжка, запряженная парюю сѣрыхъ лошадокъ. Въ телѣжкѣ сидѣлъ Илья Петровичъ Тутолминъ. На облучкѣ лѣнился Мокѣй. Солнце палило нестерпимо. Мелкая пыль вилась за колесами. Неугомонные слѣпни кружились надъ лошадьми и безпрестанно присасывались къ нимъ. Мокѣй сидѣлъ полуоборотясь къ Тутолмину. Онъ вяло помахивалъ кнутикомъ и подергивалъ веревочными возжами.

Илья Петровичъ сильно измѣнился. Лицо его потускнѣло и осунулось. Глаза были печальны. Онъ сгорбился точно старикъ и разсѣянно смотрѣлъ, какъ пристыженная лѣниво перебирала косматыми ногами и вздрагивала, когда слѣпень впиался въ нее своимъ жаломъ.

— Ну, Петровичъ, простись теперь съ Волхонкой! — произнесъ Мокѣй, когда телѣжка вползла на возвышенность.

Тутолминъ медленно оглянулся. Въ долину живописно раскидывалась усадьба. Озеро блестѣло какъ ярко отполированная мѣдь. Бурый камышъ неподвижно отражался въ водѣ. Барскій домъ возвышался тяжелой громадиной. За домомъ, огромнымъ островомъ вставалъ и зеленѣлся садъ. Водяная мельница меланхолически грохотала. Сельская церковь стройно бѣлѣлась, сіяя крестами. Дальше тянулось поле, усыянное копнами, и пустынное жниво; за жнивомъ трепетало обманчивое марево, и смутно вставали деревни. Тамъ и сямъ виднѣлись кусты... Въ высокомъ небѣ гордо кружился ястребъ.

И вдругъ Илья Петровичъ почувствовалъ, какъ что-то щипнуло его за сердце и тоскливо сдавило грудь. Онъ украдкой смахнулъ слезу, одиноко скатившуюся съ рѣсницы, подавилъ тяжелый вздохъ и съ рѣшительностью отвернулся.

И долго они ѣхали въ молчаніи. Возвышенность давно уже миновала. Крестъ волхонской церкви едва сіялъ за ними. Кругомъ расходились безмолвные поля; порою возы съ снопами